

Анюта-Узорница — сказочная покровительница рукодельниц, творчество которых издавна славилось на Руси. Способная творить чудеса, она помогает людям мастеровым, добрым, честным и наказывает тех, кто посягает на красоту и хочет разрушить наш мир. Анюта-Узорница оберегает природу, потому что в природе человек всегда находит образцы порядка, красоты и совершенства.

АНЮТА-УЗОРНИЦА

Про то, какие места Анюта-Узорница на Брянщине облюбовала, до сих пор люди спорят. Сегодня новозыбковские непременно скажут, что лучше их мастериц-рукодельниц во всей области не сыщешь, издавна удивляли они ткацкими узорами,— будто сама Анюта им свои секреты передала. Климовские ни за что не согласятся. Скажут, что каждая невеста у них еще в давние времена вышивала себе приданое; у многих старых людей по сундукам кое-что припрятано, чтоб молодых удивлять. Ну, а брянские сразу назовут Людмилу Алешину, Силакову Людмилу и других художниц-рукодельниц, что научились такие картины вышивать — далеко за границами о них слава идет... Вряд ли здесь без Узорницы обошлось... Да и сама она нет-нет — и напомнит о себе. Кто радуги не видел? Так говорят, что это Анюта-Узорница свои ленты сушить раскидывает после дождя, стало быть, там где-то и сама близко. Но если б кто задумал, все равно б не отыскал. Радуга-то, известно, над всей землей красуется, а краями иной раз за далекий горизонт уходит... Но вот почему Анютой ее у нас прозывают — такой сказ есть.

Давно это случилось. Жила в нашем, Брянском, уезде богатая бары-

ня. Много у ней крепостного люду было. Поместье имела большое, хозяйство вела строго. При барине особенно не командовала, если только покапризничает для важности, но как овдовела, стала свой нрав проявлять. Чуть что не по ней — лучше на глаза не попадайся. Особенно следила, чтоб не своевольничали. Думать, и то не смей без ее на то позволения! Такой порядок установила, что иные соседи-помещики завидовали. И держала эта барыня рукодельню, какой ни у кого в округе не было. Собрала лучших мастериц в своих владениях, накупила самой тонкой, дорогой материи, ниток разных из столичного города выписала. Сидят мастерицы да вышивают для барыни наряды, скатерти, рушники, занавески, покрывала, а то и картины, чтоб по стенам развешивать и комнаты украшать... Не скупилась барыня, иногда и подороже платила коробейникам, чтобы к ней первой свой товар несли, зато и сама не в убытке была. Привезут, бывало, шитье мастериц на ярмарку — тут уж красота по самой высокой цене идет.

Рукодельниц своих барыня не обижала, но и спуска не давала. Вышьет девушка узор красивый, понравится барыне — может и гостинцем одарить. Но ежели не заладится работа или к сроку не получится — закроет в рукодельне и не выпустит до тех пор, пока гнев не сойдет... Всяко бывало. Но одну мастерицу, Анюту, барыня особенно жаловала. Что ни сделает Анюта — все лучше других выходит. То рисунок на скатерть придумает замысловатый, да так стежок положит, что обыкновенная гладь будто засияет... А то придумает для барыни чепец разукрасить — хоть вместо шляпы надевай... Все девушки из одного клубка нитки берут, да у Анюты они яснее в цвете, радостней кажутся. Не таила Анюта своего умения, объясняла подружкам. Стараются они перенять узор, глядь — а она уже новый вышивает, лучше прежнего. Все равно не угнаться за нею... Стала барыня Анютино рукоделье втридорога продавать, мастерицей своей не нахвалится, знай, прибавляет ей работы. И что ни прикажет барыня — Анюта все к сроку выполнит. Да не зря в народе издавна сказывали: «Барин похвалит — добра не жди». Дошло до того, что захотела барыня по справедливости вознаградить Анюту за ее старание и умение, а также другим рукодельницам для примера. Призвала Анюту и говорит: «Проси, что хочешь, ничего для тебя не пожалею. Хочешь — копейку дам. Или конфет в фартук насыплю, сладью побалуешься. А то разрешу тебе ленту выбрать любую, в косу вплести...» (Сами-то рукодельницы из бедности были взяты, не то, что конфет, нитки лишней не имели). Осмелилась тут Анюта, возьми да и скажи барыне: «Не надобно мне ни денег, ни нарядов, а дозвольте посвататься ко мне Степану, сыну конюха нашего...» Давно уж приглянулись Анюта и Степан друг другу, только ждали случая, чтобы объявиться. Да, видно, не в

добрую минуту призналась Анюта. Рассказывали потом дворовые люди, что барыня после этих слов сначала сделалась белая в лице, потом покраснела, а потом как закричит да затопает ногами: «Как посмела ты без моего ведома думать про это! Не тебе решать, за кого замуж выходить, на то мое повеление будет! Не бывать по-твоему никогда! Ступай в рукодельню, а если своевольничать вздумаешь — Степана враз сошлю в солдаты, чтоб и духу его здесь не было!» Вернулась Анюта к подружкам ни жива ни мертва. Слов никаких не сказала, села к своему шитью. Да ее и расспрашивать не стали — все поняли. Посидела немного Анюта молча и взялась за иголку — надо к ярмарке картину вышивать, успеть к сроку, не то еще пуще озлится барыня.

Вышивает Анюта лебедушку белую... Плывет она по синему озеру, подняла крылья — будто лететь хочет... Стежок к стежку ложится, перышко к перышку льнет... Некогда Анюте горе горевать, да все ж набегают слезы непрошенные... Что за чудо? — Где упадет слеза, там будто капелька воды засветится, по крылышку покатится и застынет жемчужинкой... А то упадет — рассыплется ясным бисером, засеребрится рябью вода вокруг лебедушки... Вот перышко легкое упало на воду, плывет, как лодочка... Уже сумерки на дворе, плохо видно, а вышивает Анюта лебедь белую...

Поутру пришла барыня работу принимать. Увидала Анютину вышивку и полюбоваться не дала. Схватила лебедушку, в раму ее да скорее на продажу.

И случилось так, что приехал на ярмарку богатый купец со своей супругой завидушей. Как увидела купчиха лебедушку, так и пристала к мужу: «Хочу, чтобы картина эта мои покои украшала, да чтобы не одна птица, а целая стая таких плавала». Я, мол, люблю, чтобы всего у меня много было. И при этом желаю, чтоб сама мастерица мне прислужничала. «Как так получилось,— вопрошает,— что лучшее — не у меня оказалось, отчего я про такую мастерицу ничего не слыхала?..» А купец уж знал — если заладила настырная супруга, то лучше не спорить с нею. Давай он расспрашивать, откуда, мол, привезли да кто такое чудо сумел сотворить. Рассказали им про нашу рукодельню. Дал он за лебедушку большие деньги и сказал, что непременно желает к нашей барыне с визитом быть, очень уж хочется ее рукодельню поглядеть да для супруги своей заказы сделать.

Узнала барыня про это, обрадовалась: так ее товар хорош, что купцы сами едут. Приказала она мастерицам трудиться вдвое больше и стала гостей дожидаться.

Вскорости и заказчик пожаловал. Вдвоем с прислужником приехали. Видит барыня — хорошие лошади у купца, резвые, так и рвутся с места.

Сбруя разукрашена, под дугой колокольцы звенят. Коляска новая, дорогая. А прислужник хоть и плюгавенький, да по-модному одет. «Богатый купец,— думает барыня,— продать бы товар подороже, не прогадать бы». А купец тоже не промах. Поглядел рукодельню, тут же Анюту приметил. И сама красавица, и шитье ее лучше, чем у других. Не иначе, как она лебедь белую вышивала. Стали купец и барыня торговаться, он ей и говорит: «Не продашь ли мне мастерицу, я много денег заплачу, в обиде не будешь». Обрадовалась барыня такому предложению. Крепостных девок, бывало, на собак меняли, а тут деньги предлагают. «Бери,— говорит,— какую пожелаешь. Выбирай». А он отвечает: «Я уж выбрал, отдай мне вот эту»,— и показывает на Анюту. Задумалась барыня. Понял купец, что верно угадал и начал цену набавлять. «Дам тебе двадцать пять рублей, если девку отдашь». «Хорошо платит,— думает барыня,— да, видно, мастерица моя подороже будет». Не согласилась. Но когда пообещал купец сто рублей за Анюту, не удержалась барыня. «Как отказаться, когда деньги сами в руки идут, да и Анюта сама не своя в последнее время, тает, чахнет на глазах — не иначе как болезнь внезапная приключилась. Может, и лучше за время с рук сбыть». Согласилась она на сто рублей и радуется — не прогадала, обманула купца. А купец по своему смекает: «За одну лебедушку не меньше возьму». Посадили Анюту в экипаж, только что с родными проститься позволили, а на Степана и поглядеть в последний раз не успела.

Мчат кони резвые мимо полей родных, леса проезжают... Купец торопится, лошадей подгоняет. Анюта ни слезинки не уронила — видать, все слезы еще раньше выплакала. Тут и случилась оказия. Как только взлетели кони на пригорок, стали, как вкопанные. Бьет их купец, хлещет кнутом, а они только ногами перебирают, ушами треплют — а ни с места, как будто держит кто. Не поймут купец с прислужником, в чем дело. Солнце высоко стоит, день жаркий, умаялись совсем, а все без толку. Взглянул купец на Анюту. Сидит она бледная, еле дышит, только что живая. «Вот как не довезем, помрет девка,— думает купец.— Деньги-то большие отданы!» Говорит ей: «Испей воды, а то жарко, да ехать еще далеко. Не из чего тебе горевать. Будешь у моей супруги в городе первой швеей, супруга у меня добрая. Если понравится твоя работа да слушаться будешь, отдаст тебя замуж за лучшего своего лакея...» Как будто еще бледнее стала Анюта и тихо так говорит: «Дозволь, барин, посидеть на пригорочке, поглядеть в последний раз на места родные...» Купец обрадовался, что проговорила Анюта, приказал своему прислужнику вывести ее, пока кони отдыхают, да глаз с нее не спускать, чтоб не убежала. Пусть, мол, посидит в тени, поди, тоже человек...

Подошла Анюта к березке да и обхватила ее руками, как подружку.

А с пригорка далеко видно. Видит она, как поле широкое до самого края земли раскинулось. По зеленому полю вьется речка синяя, то шире разольется, с солнышком поиграет, то меж кудрявых кустиков спрячется. Пригрелись березоньки на дальнем пригорочке, набирают силу от земли, тянутся к небу высокому. А в голубой вышине жаворонок заливается, звенит свою песню, радуется воле пташка малая... Даже купец с прислужником загляделись... Разве в городе такое увидишь?... Покатались по щекам Анюты слезинки...

И тут над полем радуга явилась. Сначала чуть видная, а через минуту-другую широкой лентой повисла — всеми цветами заиграла. Что такое? В небе ни облачка, а радуга — как после дождя летнего. Дивятся купец с прислужником, про Анюту забыли. А радуга постояла над полем и пропала, как ничего и не было. Опомнились они, обернулись — нет Анюты. Убежала девка! Бросились они искать, всю рощу облазили, каждую березку осмотрели — роща-то небольшая — не могут найти. И по дороге не видать. Времени мало прошло, далеко-то не убежишь. Куда подевалась? Совсем с ног сбились, не поймут ничего. А как бегали вокруг березы, так лбами столкнулись, повалились друг возле друга, подняться не могут. Поползли к коляске. «Никак, знает плутовка потайные тропки, надо к барыне ворочаться, да там и ждать,— думают.— Куда ж ей еще податься?» Залезли они в коляску, чтоб назад повернуть, а кони как того и ждали. Рванули с места так, что купец с прислужником чуть из коляски не выпали. Кричат они, остановить коней хотят, а у тех как будто крылья выросли — несутся, земли не чувят. Так, рассказывали люди, до самого города неслись, чуть живых привезли. Купец все бока отбил, долго маялся потом, не до того было ему, чтоб снова к барыне ехать. Супруга его поскандалила да успокоилась быстро. Нашла себе другое занятие — деньги прожить, за границы ездить и тамошнее общество своей простотой дивить. Сказывали, что променяла лебедушку на безделушку иностранную, заводную — деревянное чудище. Нажмешь кнопку потайную — начинает вращать глазами круглыми и кричит страшным голосом. Как привезла, так первым делом своего супруга испугала чуть не до смерти...

А вот Анюта нигде не объявилась, пропала девка. Но что интересно — у нашей-то барыни дело совсем развалилось. Как отдала Анюту, так все наперекос пошло. Привезут товар на ярмарку, а никто не подходит. Продадут кое-что, да больше назад привезут. И гневалась барыня, и рукодельниц своих наказывать пробовала, да все напрасно. Зато у других помещиков рукоделье пошло, стали они к себе покупателей переманивать. Видит барыня — убыток один у нее, и распустила рукодель-

ню. Деньги те, что за Анюту взяла, тоже не впрок пошли. Купила у соседа рошу, в которой много дичи велось. И что ж? Пойдут мужики стрелять — как заговорено: ничего не принесут. Кружатся над ними вороны, охотники только отмахиваться успевают. Уж эту рошу стороной обходить стали.

Долго ли, скоро ли — разговор среди людей пошел, что то тут, то там в наших местах Узорница объявляться стала. Одной мастерице рисунок подскажет хитрый, другую ниткой особенной одарит: станет та вышивать, и если узор интересный, то нитка эта тянется, не кончается... А то может и подучить, как ловчее узелок завязать, потайной стежок сделать... И сказывал кто-то, что лицом девица точь-в-точь, как Анюта: такие ж глаза у нее ясные, васильковые, коса русая до пояса, да и росточком тоже небольшенькая... Потому и прозвали Узорницу у нас Анютой. Хотя и разница заметная. Наряды на Узорнице, каких ни одна красавица не носила. Характером бойкая, насмешливая. Анюта, бывало, робко смотрела, чаще опускала глаза печальные, а эта весело, смело глядит... Иногда только, в редкую минуту, вдруг как грустинка в глазах покажется, будто вспомнит что-то... Есть у нее и свои приметинки: в косу обязательно лента радужная вплетена, и, если приглядеться, то на пальце можно наперсточек простенький увидеть. Похоже, что непоседлива Узорница, всякий раз в новом месте объявляется — к мастерицам льнет, а их у нас, известное дело, много и в селах, и в городах на русской земле. Но если кто задумает обидеть рукодельницу — непременно надо гостью ждать. Обидчику лучше с нею не встречаться. Про то у нас много сказов есть.